
СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

А. П. АЛЕКСЕЕВ, И. Ю. АЛЕКСЕЕВА

САМОСОЗНАНИЕ ОБЩЕСТВА И ТЕОРИЯ РЕВОЛЮЦИИ

Вопросы теории революции рассматриваются в контексте изменений, происходящих в самосознании российского общества. Особое внимание уделяется опыту XXI в., в частности, статусу «цветных революций» в «революциеведческой» литературе, месту Великой Октябрьской социалистической революции в исторической памяти России, влиянию исторической науки на формирование исторической памяти и, в свою очередь, зависимости профессиональных установок ученого-историка от социально-политических процессов. Разделяя взгляды политических философов, трактующих революцию не только как «большое событие», но и как процесс фундаментальных исторических преобразований, авторы обращают внимание на целесообразность разработки концепции социально-политической реставрации как части теории революции. Авторы формулируют и обосновывают позицию, согласно которой для «управления противоречиями» в самосознании современного российского общества необходим поиск способов совмещения капиталистической реставрации с народовластием (при этом понятие «народовластие» не отождествляется с английским “democracy”).

Ключевые слова: революция, самосознание, теория революции, «цветные революции», самосознание общества, историческая память, политическое использование прошлого, революция как процесс, социально-политическая реставрация, капиталистическая реставрация, народовластие.

The authors consider assumptions of the theory of revolution in the context of changes in the Russian society's self-consciousness. Special attention is paid to the experience of the 21st century, in particular, to the status of “color revo-

lutions” in the revolution studies, the place of the Great October socialist revolution in Russia’s historical memory, the influence of historical science on the formation of historical memory, and, in its turn, the dependence of historian’s professional attitudes on social and political processes. Sharing the views of political philosophers who interpret revolution not only as a “big event”, but also as a process of fundamental historical transformations, the authors pay attention to the necessity of developing the concept of social and political restoration as part of the theory of revolution. The authors formulate and justify the position that in order to “manage contradictions” in the self-consciousness of modern Russian society, it is necessary to find the ways to combine capitalist restoration with people’s rule (the concept of “people’s rule” is not identified with the English “democracy”).

Keywords: *revolution, self-consciousness, theory of revolution, “color revolutions”, self-consciousness of the society, historical memory, political uses of the past, revolution as a process, social and political restoration, capitalist restoration, people’s rule.*

Отсутствие развитой (или как минимум приемлемой) теории революции способно показаться странным на фоне достаточно длительной истории изучения революций многими поколениями исследователей [Гринин 2017]. Однако отсутствие такой теории выглядит объяснимым, если принять во внимание как сложность феномена революции, так и разнообразие исходных позиций и ориентаций ученых, когда-либо занимавшихся проблематикой революций. Упомянутое разнообразие обусловлено множеством факторов. В их числе – профессиональная подготовка и исследовательский опыт, принадлежность к научным школам и направлениям, политические симпатии и антипатии, оценки текущих событий, те или иные представления о настоящем и будущем стран, народов и всего человечества.

Взгляды ученого-обществоведа зависят не в последнюю очередь от самосознания общества, к которому он принадлежит, и эти взгляды, в свою очередь, влияют на самосознание общества. Учитывая подобную зависимость, мы не должны упускать из виду то обстоятельство, что самосознание общества, будучи частью общественного сознания, представляет собой весьма сложное образова-

ние, меняющееся с изменением условий жизни и порождающее такие изменения.

Образ революции занимал весьма важное место в самосознании российского общества в XX столетии, и сегодня, по прошествии двух десятилетий XXI в., отнюдь не выглядит оттесненным на периферию. В выражение «образ революции» мы вкладываем самый широкий смысл, охватывающий не только художественные образы, создаваемые литературой и искусством, но также повседневные представления, политико-идеологические установки, теории и концепции общественных наук. На создание теорий и концепций так или иначе влияют интересы и предпочтения разных социальных и интеллектуальных групп. Одни из таких групп опасаются революции, стремятся предотвратить ее, другие – напротив, хотят революции, проектируют революцию, участвуют в ней, восхищаются ею. На наших глазах опыт XXI в. вносит новые изменения в восприятие политических революций, оказывая влияние и на обществоведческие трактовки самого понятия революции.

1. Что такое революция?

Вопрос «что такое революция» сегодня уместен не только в учебной литературе, но и в научном исследовании, поскольку разные ученые решают его по-разному. В то время как одни из них относят определенные события и процессы к числу революций, другие категорически отказываются квалифицировать те же события и процессы подобным образом. Сказанное весьма наглядно проявляется в примере так называемых «цветных революций».

В небольшой по объему книге Дж. Голдстоуна «Революции. Очень краткое введение» [Голдстоун 2015] представлена весьма широкая трактовка понятия революции, позволяющая зачислять в разряд революций практически любые (удачные и неудачные) попытки свержения власти, в ходе которых имели место те или иные формы «мобилизации масс». Закономерным образом содержащееся в этой работе краткое повествование о революциях, когда-либо происходивших в истории человечества, охватывает и восстания Античности (так называемые античные революции), и Вели-

кую французскую революцию, и распад СССР, и «цветные революции» XXI в. Оговариваясь, что прилагательное «цветные» обязано своим возникновением визуальной символике, которую использовали участники событий (например, оранжевые ленточки на Украине в 2004 г.), Голдстоун упоминает такие прилагательные, употребляемые для характеристики упомянутых революций, как «демократические», «электоральные», «ненасильственные». Этот автор считает, что «цветные революции» выгодно отличаются от тех, где движущей силой являются идеологии: первые, в отличие от вторых, не предполагают насилия, не требуют больших экономических издержек и человеческих жертв и обычно приводят к «более демократическим» режимам.

В. Д. Соловей, разделяя позицию Дж. Голдстоуна, квалифицирует «цветные революции» как «демократизирующие» и относит их к категории *ординарных* революций, каких в истории было большинство. Что же касается *великих* революций, радикально менявших социально-экономические системы и порождавших глобальные изменения, то они рассматриваются скорее как исключение из правил, чем как парадигмальные революции. В. Д. Соловей пишет: «Французская и русская революции, сформировавшие для отечественного читателя представление о революции вообще, возвышаются двумя одинокими пиками. Однако судить по этим вершинным проявлениям о революциях – все равно что судить о шоферском деле по пилотам “Формулы-1”» [Соловей 2016: 11]. Впрочем, далеко не все «революциеведы» признают демократизирующий и революционный характер «цветных революций».

В отличие от Дж. Голдстоуна и В. Д. Соловья, автор книги «Цветные революции» Л. Митчелл не склонен рассматривать использование слова «революция» в данном выражении как серьезную характеристику содержания соответствующих событий. По Митчеллу, «цветные революции» не являются подлинными революциями, более того, они не вносят существенного вклада в демократизацию общества [Mitchell 2012: 212]. Вместе с тем он считает «цветные революции» важными этапами долгого пути «посткоммунистического» транзита.

Самым решительным образом отрицает революционный характер подобных событий Б. Г. Капустин, полагая, что широкое использование слова «революция» в их названии привело к тому, что само это слово в применении к современности не только девальвировалось, но и стало «неприличным» [Капустин 2019].

Особый подход представлен в работах авторов, концентрирующих внимание на *концептуальных контекстах* использования «революционной метафоры» применительно к событиям в постсоветских государствах. Показательно в этом отношении название статьи Л. Е. Бляхера и Г. Э. Говорухина «Революция как блуждающая метафора: семантика и прагматика революционного карнавала». Метафора революции рассматривается здесь с использованием методов изучения семантических переносов, позволяющих выявлять условия и следствия перемещения концептов из одних семантических гнезд в другие. «Многочисленные “цветные” и “растительные” революции на постсоветском пространстве, – писали в 2006 г. Бляхер и Говорухин, – а также “контрреволюционный” дискурс российских элит сделали содержание этого концепта предельно сложным и предельно важным для понимания актуальной политики России» [Бляхер, Говорухин 2006: 58–59].

Перспективным и важным для понимания современных общественно-политических процессов представляется вариант контекстуального подхода к феномену «цветных революций», предложенный Б. В. Межуевым. Значимость метафоры революции, утверждает он, определяется прежде всего не тем, что данная метафора искажает восприятие действительных событий, а тем, что она *выводит нас в «большую историю»*, когда «демократические транзиты» рассматриваются как органичная часть исторического процесса. Автор обращает внимание на тот факт, что еще в 2003 г. президент США употребил выражение «глобальная демократическая революция», выступая перед Национальным фондом в поддержку демократии. Заметим, что идея «глобальной демократической революции» присутствует в том или ином виде в трудах современных теоретиков соответствующей ориентации. Примерами могут служить упомянутые выше «демократические революции» у Дж. Голдстоуна

и «демократизирующие революции» у В. Д. Соловья. Следует согласиться с Б. В. Межуевым в правомерности соотнесения идеи «глобальной демократической революции» как «революции справа» с марксистской идеей мировой революции как «революции слева». Б. В. Межуев так характеризует значимость, придаваемую «революционной метафорой» соответствующим событиям: «Они как бы включаются в некий логически последовательный и закономерный процесс, сопротивление которому предстает уже не просто поддержанием порядка или “преемственности власти”, но консервативной реакцией на “неумолимый ход истории”. Более того, будучи отмечен печатью “революционности”, данный процесс приобретает целый ряд характеристик, обусловленных самой этой метафорой» [Межуев 2007: 76]. Заметим, что понимаемый таким образом «неумолимый ход истории» согласуется с представлениями о «конце истории», изложенными в публикациях Ф. Фукуямы.

Как известно, на исходе прошлого века Фукуяма объявил США, страны Западной Европы и Японию находящимися в «пост-историческом» состоянии, которого все прочие страны неизбежно достигнут в будущем. В соответствии с представлениями этого автора и его последователей, счастливый человек постисторического общества наслаждается благами либеральной демократии как общественно-политического устройства, наиболее соответствующего природе человека и позволяющего осуществить его естественные права [Фукуяма 1990]. В таком контексте «демократизирующие революции» означают шаги на пути к состоянию, когда никакие революции будут невозможны и не нужны. Согласно воззрениям Фукуямы, человечество, обреченное на постисторию, способно покинуть ее лишь в том случае, если с развитием биотехнологий превратится в постчеловечество, однако такому превращению нужно препятствовать, осуществляя контроль над биотехнологиями [Его же 2004]. В самом деле, перспектива изменения природы человека вследствие технологического прогресса чревата появлением принципиально новых общественно-политических форм, что опровергало бы тезис о завершении человеческой истории. Тем не менее

есть основания полагать, что вопреки убежденности адептов конца истории «постчеловеческое будущее» – далеко не единственная возможность покинуть постисторическое состояние или вовсе не достигать последнего [Алексеева 2019]. Возможности исторического творчества людей и народов сегодня далеко не исчерпаны, как не исчерпаны и возможности понимания хода истории.

Появление слова «революциеведение» – один из показателей потребности самосознания общества (и прежде всего самосознания обществоведов как части общественного самосознания) в комплексном изучении разных аспектов феномена, являющегося предметом интереса историков, политологов, социологов, философов. Следует заметить, что смысл слова «революция» выглядит скорее противоположным, чем родственным смыслу его латинского предка – “*revolutio*”. Если “*revolutio*” переводится с латыни как «откатывание», «круговорот» (“*De revolutionibus orbium coelestium*” – название труда Коперника «Об обращении небесных тел»), то русское «революция», как и аналоги в современных романо-германских языках (“*revolution*”, “*rivoluzione*”), предполагает не движение по кругу, а быстрый (скачкообразный) переход системы на принципиально новую ступень развития.

М. М. Федорова рассматривает понятие революции как находящееся на пересечении исторического горизонта с горизонтом политическим, при этом речь идет об Истории с большой буквы. «Ведь понятие революции, – пишет Федорова, – возникает как понятие политическое, но в рамках дискурса об Истории и тесно связано с ним (“революции – локомотивы истории”, “революция – конец предыстории и начало Истории” и т. п.). Более того, изменению содержания Истории всегда сопутствовало и изменение содержания понятия революции (“конец истории” закрывает и эпоху революций)» [Федорова 2015: 84]. С этих позиций принципиальные проблемы осмысления революции обусловлены тем, что утратило актуальность характерное для эпохи модерна видение истории как линейного прогрессирующего процесса.

Сегодня трудно сказать, будет ли когда-либо удовлетворен декларируемый политической философией запрос на современную

теорию революции, не имеющую в своем основании идеи Прогресса, но сохранившую связь с Историей и с идеей Освобождения. Предлагаемые современными авторами трактовки революции можно считать лишь отчасти соответствующими данному запросу. Вместе с тем в этих трактовках принимаются во внимание факторы и феномены, ранее остававшиеся в тени. Один из таких феноменов – *групповое самосознание*. Так, Л. Е. Гринин, характеризуя революцию как насильственное разрешение противоречия между «ростом определенных сил» и «наличием жестких институтов и отношений, мешающих дальнейшему росту и самоопределению указанных сил», отмечает в качестве важных факторов *рост самосознания* «определенных сил», а также *особенности самосознания* власти и ее «охранителей» [Гринин 2017: 24]. Самосознание тех или иных групп – не единственный и даже не главный фактор революции, способный «перевесить» факторы экономические или «силовые». И все же теория революций, развиваемая в информационную (цифровую) эпоху, не должна игнорировать вопросы общественного самосознания, сознания и бессознательного.

2. Революция и управление памятью

Научное понимание революции не может быть полностью изолировано от существующих в самосознании общества образов революции как достояния прошлого, предмета мечты о будущем или социальных опасений. Образцом достоверности в описании событий прошлого призвана быть историческая наука, обладающая развитой методологией изучения следов прошлого в настоящем, проверенными способами оценки источников и установления фактов. Однако взгляд ученого-историка на прошлое не может избежать той или иной степени зависимости от настоящего. Порой такая зависимость осознается представителями сообщества историков как острейшая проблема, нерешенность которой ставит под угрозу будущее исторической науки и профессии. Показательна в этом отношении опубликованная в журнале «Новая и новейшая история» статья В. В. Согрина «Профессиональная, пропагандистская и обывательская историография». Профессиональные историки, пишет

автор, порой следуют в фарватере пропагандистской историографии, в то время как «суверенитет исторической профессии» предполагает стремление к объективной исторической истине, предусматривающее «непредвзятое и сбалансированное привлечение источникового материала исследуемой темы, максимальное приближение к точной мере противоречивых и разнообразных исторических фактов», а также «полнокровное знание и использование историографии исследуемой темы» [Согрин 2018: 198].

Объективистской ориентации может быть противопоставлена позиция *презентизма* (англ. “present” означает настоящее) в историографии, открыто заявленная историками в США еще в конце XIX в. Презентизм основывается на убеждении, что, поскольку образ прошлого создается в настоящем, этот образ так или иначе зависит от сегодняшних забот и запросов. И. М. Савельева и А. В. Полетаев, характеризуя американский презентизм, приводят следующие высказывания его приверженцев. Ф. Тернер в работе «Значение истории», опубликованной в 1891 г., писал: «Каждый век пытается сформулировать свою концепцию прошлого. Каждый век заново пишет историю прошлого, соотнося ее с главной темой своего времени» [Turner 1972: 200, цит. по: Савельева, Полетаев 2005: 64]. Дж. Робинсон и Ч. Бирд в предисловии к изданному в 1907–1908 гг. учебнику «История современной Европы» заявляли, что «сознательно подчинили прошлое настоящему... чтобы читатель мог идти в ногу со временем; с пониманием просматривать международные новости в утренней газете» [Robinson, Beard 1972: 257, цит. по: Савельева, Полетаев 2005: 64]. «Одним из самых распространенных следствий презентистского подхода к истории, – пишут И. М. Савельева и А. В. Полетаев, – является взгляд на прошлое как на источник опыта. Причем важно подчеркнуть, что исторический опыт играет двоякую роль: используется для политической ориентации принятия политических решений, а также для оправдания и объяснения этих решений и связанных с ними действий» [Савельева, Полетаев 2005: 76].

В современной историографии революции можно найти примеры проявления презентизма, в котором авторы соответствующих

работ отнюдь не склонны признаваться. Происшедшие в нашей стране в течение буквально нескольких лет (конец 80-х – начало 90-х гг. XX в.) изменения в отношении к революции 1917 г. выразились не только в замене восторженных оценок ее действующих лиц, событий и последствий на оценки отрицательные, не только в смене принципов отбора фактов для исторического повествования, но и в отказе от самого названия «Великая Октябрьская социалистическая революция». В качестве новых обозначений стали использовать такие как «Октябрьский переворот», «Коммунистическая революция в России», «Русская революция 1917 г.», «Октябрьская революция».

Среди многочисленных свидетельств быстроты и решительности изменений самосознания общества в упомянутый период особое место занимают публичные выступления и действия человека, занимавшего в 1976–1985 гг. пост Первого секретаря Свердловского обкома Коммунистической партии Советского Союза (КПСС), в 1985–1987 гг. – Первого секретаря Московского городского обкома КПСС, в 1981–1987 г. – члена Центрального комитета КПСС, а с 1990 по 1999 г. – Президента Российской Федерации. Речь идет о Б. Н. Ельцине. В 1988 г. с трибуны XIX конференции КПСС Ельцин просит товарищей по партии о «реабилитации» – отмене решения Октябрьского пленума ЦК КПСС, признавшего выступление коммуниста Ельцина на том пленуме *политически ошибочным*. Теперь Ельцин признает несвоевременность своих высказываний о проблемах советского общества на пленуме, который был посвящен *подготовке к празднованию 70-летия Великой Октябрьской социалистической революции*. Вместе с тем Ельцин настаивает, что по содержанию его выступление было правильным и что в нем были поставлены те же вопросы, о которых говорят участники данной конференции. Вот слова оратора, записанные в стенограмме: «Я остро переживаю случившееся и прошу отменить решение Пленума по этому вопросу. Если найдете возможным отменить, тем самым реабилитируете меня в глазах коммунистов» [Стенограмма...]. Однако в 1990 г. на XVIII съезде КПСС Б. Н. Ельцин, всего два года назад заботившийся о своей репутации как коммуниста, заявляет

о выходе из коммунистической партии, а еще через год, 23 августа 1991 г., на заседании Верховного Совета Российской Советской Федеративной Социалистической Республики подписывает указ о прекращении деятельности коммунистической партии на территории России. Недавний коммунист (и не рядовой член партии, а один из ее руководителей) в течение трех лет превращается в антикоммуниста. Менее чем через год после подписания упомянутого указа, 17 июня 1992 г., выступая в Конгрессе США, Б. Н. Ельцин провозглашает: «Мир может вздохнуть спокойно. Коммунистический идол, который сеял повсюду на земле социальную рознь, вражду и беспрецедентную жестокость, который наводил страх на человеческое сообщество, рухнул. Рухнул навсегда. И я здесь для того, чтобы заверить вас: на нашей земле мы не дадим ему воскреснуть» [Выступление...]

Начало последнего десятилетия XX в. стало временем, когда многие из тех, кто еще недавно был убежден, что Великий Октябрь открыл путь в светлое будущее человечества, разочаровались в идее коммунизма, а попытки претворить эту идею в жизнь стали воспринимать как череду ошибок и преступлений, повлекших за собой страдания и человеческие жертвы. Произошел переворот в исторической памяти советского общества и других социалистических обществ, запустивший программы глубокой переработки памяти о прошлом стран и народов. Эта переработка продолжается до сих пор, порождая как внутригосударственные (между разными группами в Российской Федерации, бывших республиках СССР и социалистических странах), так и межгосударственные «битвы за историю» и «войны памяти».

Изменения в политическом сознании российского общества, сопровождавшиеся осуществленным в короткие сроки перемещением политического словаря влиятельных групп из коммунистического (советского) смыслового гнезда в антикоммунистическое (антисоветское), при наличии значительных общественных групп, не готовых к подобному перемещению, породили до сих пор не преодоленные препятствия на пути формирования связной официальной политики памяти и «управления прошлым».

В книге О. Ю. Малиновой «Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности» [Малинова 2015] подробно рассматриваются процессы реинтерпретации Октябрьской революции. Показательны постсоветские «приключения» 7 Ноября, официально называвшегося с 1918 до 1996 г. Днем Великой Октябрьской социалистической революции. Количество и характер «изгибов» политики памяти в отношении этого дня (напомним, что с 2016 г. 7 ноября проводится парад на Красной площади, посвященный годовщине парада 1941 г., посвященного годовщине Великой Октябрьской социалистической революции) – повод говорить об отсутствии определенной стратегии, восполняемом политтехнологическими приемами *ad hoc* (то есть по поводу конкретного случая) в зависимости от меняющихся обстоятельств. Широкое использование политтехнологий в «управлении прошлым» не предполагает серьезного осмысления исторического опыта. Политтехнолог, предоставляющий услуги заказчику, ориентирован, как правило, на быстрое достижение конкретного результата, отвечающего интересам обслуживаемых лиц и организаций.

Философы рассматривают историческую память как неотъемлемую часть сознания и самосознания общества, в существенном смысле аналогичную автобиографической памяти человека, а самосознание личности – как включающее осознание собственной принадлежности к некой исторической общности [Лекторский 2001]. Несомненно, между самосознанием личности и самосознанием общества имеются и существенные различия. Если единство самосознания личности как условие единства «Я» – необходимое свойство психически здорового человека, то самосознание общества существует как сложная совокупность знаний и представлений об обществе, которые имеются у множества личностей и групп. Соответствующие представления различаются по разным параметрам, в том числе по оценкам «нашего» общества, его настоящего, прошлого и возможного будущего. Видение прошлого во многом зависит от того, какие проблемы приходится решать в настоящем и каким представляется будущее. Это задает определенные ориентиры

и рамки так называемого политического использования прошлого и формирования «политики памяти». «Без обращения к коллективной памяти, – пишет О. Ю. Малинова, – трудно обойтись, когда речь идет о легитимации и делегитимации существующего режима, политическом целеполагании, мобилизации поддержки, критике оппонентов и прочих задачах, составляющих предмет ежедневной заботы политиков. Неудивительно, что история все чаще становится ареной политического соперничества» [Малинова 2014: 69]. Отметим, что сказанное верно как в отношении соперничества между государствами, так и в отношении борьбы политико-идеологических сил внутри одной страны.

Осмысление опыта революции, понимаемой не только как событие, но и как запущенная этим событием и выполнявшаяся в течение семи десятилетий программа общественных преобразований и развития, необходимо для понимания современного состояния и перспектив страны. При этом нельзя обойти вниманием и события рубежа 80–90-х гг. прошлого века. В соотношении с революцией эти события и последовавший за ними период отечественной истории (обычно называемый постсоветским) можно рассматривать как общественно-политическую *реставрацию*. Соответствующий подход позволяет увидеть ряд моментов, которые ускользают от внимания исследователей, сопоставляющих советский и постсоветский периоды с иных позиций.

3. Коррекция реставрации. Идея народовластия

Политические философы склонны давать разные ответы не только на вопрос о том, заслуживает ли то или иное событие быть отнесенным к числу революций, но и на вопрос о том, достаточно ли для понимания сути и значения революций ограничиться трактовкой революции как события – пусть и «большого события», представляющего собой сложную совокупность других событий, происходящих последовательно или одновременно. Подход к революции как к событию соответствует общепринятому употреблению слова «революция» в повседневном языке, в публицистике, в исторической науке. Однако в контексте рассматриваемой нами про-

блематики заслуживает внимания и другой подход, трактующий революцию как осуществление программы преобразований, для которой революции-события служат лишь средствами запуска. Показательно в этом отношении утверждение Б. В. Межуева: «Под революцией должно понимать не совокупность революционных событий в разных странах, а продолжающийся уже три столетия процесс фундаментальной исторической трансформации» [Межуев 2007: 77]. Мы же, рассматривая начавшийся в 1989 г. процесс реставрации, будем соотносить его с менее длительным историческим процессом – а именно с процессом преобразований, начало которому было положено революцией-событием 1917 г.

Начатая этой революцией программа социалистических преобразований (основанная на понимании социализма как первой стадии коммунистической общественно-экономической формации, а не как «капитализма с человеческим лицом») была теснейшим образом связана с идеями международного социалистического движения и основывалась на учении К. Маркса, никогда не жившего в России и не имевшего российских корней. Сложный нелинейный процесс осуществления этой программы распространился на многие страны. В последнем десятилетии XX в. количество государств, охваченных этим процессом, значительно сократилось, поскольку в бывших советских республиках и социалистических странах Европы заработали реставрационные программы. Тем не менее социалистическая революция как исторический процесс продолжается в Китае и Вьетнаме, где у власти находятся коммунистические партии. Следует учитывать, что революционные программы, как и реставрационные, осуществляются с корректировками, характер которых зависит от конкретных условий, складывающихся в данной стране на определенном этапе ее истории.

Оценки современного этапа истории России как этапа реставрационного встречаются в публикациях политологов. Так, Б. Ю. Кагарлицкий относит начало этого этапа к 1989 г., когда «демократическая энергия масс, разрушив консервативные режимы, правившие Восточной Европой под коммунистическими знаменами, открыла путь глобальной капиталистической реставрации, миро-

вому господству неолиберализма» [Кагарлицкий 2015: 106]. Тем не менее нам не удалось найти разработанной до какой-либо степени концепции реставрации, в рамках которой рассматривались бы реставрационные социально-политические процессы разных исторических эпох. Возможно, такая концепция как часть теории революций появится в будущем. Мы обратим внимание лишь на некоторые моменты, значимые для понимания российской реставрации.

Прежде всего, сравнивая российскую реставрацию как способ возврата к «России, которую мы потеряли» в XX в. с реставрациями монархии в Англии XVII в. и во Франции в XIX в., нельзя не отметить различия в интервалах времени между событиями революции и реставрации. Если Реставрация в Англии произошла через одно десятилетие после установления республики и казни короля Карла I, а во Франции – через два десятка лет после возникновения Первой республики и казни Людовика XVI (при этом десятилетие, непосредственно предшествовавшее Реставрации, было периодом наполеоновской империи), то в России между революцией и реставрацией пролегло семь десятилетий. Изменения в стране и мире, произошедшие за этот период в динамичном XX столетии, не могут сравниться по масштабам с теми, что были присущи прежним векам. Кроме того, реставрации прежних веков происходили как возврат прежней формы правления (и даже возвращение правящих династий), при этом и монархии, и республики играли свою роль в освобождении от остатков феодализма, препятствовавших торжеству капиталистических отношений. Республиканская форма правления, установленная еще Февральской революцией 1917 г., сохранялась с известными видоизменениями в СССР и существует с новыми видоизменениями в современной Российской Федерации, превратившейся в президентскую республику. (Примечательно, что в ходе превращения РСФСР в РФ из названия государства выпали не только слова «советская» и «социалистическая», но и слово «республика».) Реставрация капитализма в республиках, осуществляемая после социализма, – принципиально новое явление, меняющее буквально все стороны экономической, социальной и поли-

тической жизни и порождающее принципиально новые проблемы как практического, так и теоретического плана.

На сказанное можно возразить, что республиканская форма в СССР носила декоративный характер, Верховные советы собирались лишь для формального одобрения решений монарха (не имевшего наследственной власти и замаскированного под генерального секретаря) или олигархов, составлявших Политбюро (слово «олигархия» мы понимаем в первоначальном значении *власти немногих*, не обязательно богатых). Не имея возможности обсуждать здесь вопрос о декоративном характере официальных органов власти, существовавших когда-либо в прошлом и существующих в настоящем, заметим лишь, что учреждение президентской должности в разрушающемся СССР мотивировалось не только проснувшимся желанием подражать США, но и апелляциями к традиции персонификации власти в России.

Так или иначе, реставрация, призванная быть способом построения современного капитализма с атрибутами «демократии и рынка», не смогла обойтись без тех или иных форм возврата к дореволюционной России, где развивавшийся капитализм соседствовал с существенными остатками позднего феодализма, а в числе народов империи были и такие, что жили в условиях родо-племенного строя. Оживление, под теми или иными личинами, некоторых форм феодальных и родо-племенных отношений в стране с развитой индустрией и высоким образовательным уровнем населения породило конфликты и проблемы, к осмыслению которых общество не было готово. Значительная часть российского интеллектуального класса обратилась к социополитической мысли Запада в надежде найти там инструменты для описания и объяснения происходящих в стране общественных процессов. Однако социополитические науки в США и странах Западной Европы не могли в отсутствие исторических прецедентов выработать концептуальные средства, пригодные для понимания сути происходящих общественно-политических и экономических трансформаций в реставрационных обществах. Дежурное выражение «посткоммунистический транзит к демокра-

тии и рынку» выглядит слепленным наспех и не способно выдержать сколько-нибудь серьезной научной критики.

Взгляд на современную Россию как на общество, проходящее период реставрационного развития (именно развития, а не воспроизведения старого), открывает новые возможности для осмысления социальных противоречий и поиска средств «управления противоречиями». Важную роль в поиске таких средств играют «объединяющие идеи», среди которых особое место принадлежит идее *народовластия*.

В начале данной статьи мы упоминали об оценках «цветных революций» как «демократических», «демократизирующих» или же как не ведущих к «росту демократии», однако необходимых для «посткоммунистического транзита». Подобные оценки характерны для подходов, с позиций которых *интеллектуальный суверенитет* национальной системы, предполагающий, кроме прочего, наличие собственного политического словаря, выглядит излишним обременением в эпоху глобализации, понимаемой как американизация [Алексеев 2017]. Возможно, при переводе выдержанных в данном ключе англоязычных текстов следует заменять английское слово “democracy” не русским «демократия», а калькой «демокраси» с ударением на втором слоге.

Слово «демократия» (вариант: «димократия»), произошедшее от греческого «Δημοκρατία», появилось в русском языке задолго до возникновения такого государства, как США. В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» представлено старинное толкование «демократии» как народовластия, народовладения [Словарь... 1977: 212], народного правления [Словарь 1983: 216]. А в «Словаре русского языка XVIII в.» мы находим синонимичное слово «народодержавие» [Словарь...]

Что же касается демократии, толкуемой как «демокраси», то события последних десятилетий свидетельствуют о все большем ее расхождении с представлениями о народовластии. Под лозунгами «демокраси» создаются препятствия экономическому развитию стран, разжигаются кровавые конфликты, разрушаются государ-

ства, погружаются в догосударственное состояние народы. Далеко не все носители английского языка разделяют подобное понимание «демокрасии», и в межкультурной коммуникации это необходимо учитывать. Однако в контексте острых проблем российского общества важно вести речь о демократии именно как о *народовластии* без оглядки на владельцев смысла слова «демокрасии». В этом случае на первый план выдвигаются вопросы о формах и способах осуществления народовластия в период капиталистической реставрации и о том, каким образом механизмы народовластия («народодержавия») способны осуществить коррекцию реставрации.

Литература

Алексеев А. П. Общество в условиях информационной войны: вопрос интеллектуального суверенитета // *Философия и общество*. 2017. № 2. С. 18–27.

Алексеева И. Ю. Управление исторической памятью как трансдисциплинарная проблема // *Философия науки и техники*. 2019. Т. 24. № 2. С. 82–95.

Бляхер Л. Е., Говорухин Г. Э. Революция как блуждающая метафора: семантика и прагматика революционного карнавала // *Полис. Политические исследования*. 2006. № 5. С. 58–74.

Выступление Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина на совместном заседании палат Конгресса США о перспективах сотрудничества между Россией и США : Ельцин центр. Архив аудио [Электронный ресурс]. URL: <https://yeltsin.ru/archive/audio/8995/> (дата обращения: 25.08.2020).

Голдстоун Дж. Революции. Очень краткое введение. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2015.

Гринин Л. Е. Революции и исторический процесс // *Философия и общество*. 2017. № 3. С. 5–29.

Кагарлицкий Б. Ю. Революция и социальный прогресс // *Революция как концепт и событие* / под ред. А. А. Вартумян, С. Г. Ильинской, М. М. Федоровой. М.: ЦИУМиНЛ, 2015. С. 106–115.

Капустин Б. Г. Рассуждения о «конце революции». М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2019.

Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая. М. : УРСС, 2001.

Малинова О. Ю. Использование символов прошлого в политике постсоветской России: эволюция подходов // Вестник РГНФ. 2014. № 1. С. 69–78.

Малинова О. Ю. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М. : Политическая энциклопедия, 2015.

Межуев Б. В. «Оранжевая революция»: восстановление контекста // Логос. 2007. № 5. С. 75–91.

Савельева И. М., Полетаев А. В. О пользе и вреде презентизма в историографии // «Цепь времен»: Проблемы исторического сознания / под общ. ред. Л. Репина. М. : ИВИ РАН, 2005. С. 63–88.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4 (Г-Д). М. : Наука, 1977.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 10 (Н-нятия). М. : Наука, 1983.

Словарь русского языка XVIII в. [Электронный ресурс]. URL: <https://slovar-russkogo-yazyka-xviii-v.slovaronline.com/31466> (дата обращения: 01.01.2020).

Согрин В. В. Профессиональная, пропагандистская и обывательская историография // Новая и новейшая история. 2018. № 1. С. 185–203.

Соловей В. Д. Revolution! Основы революционной борьбы в современную эпоху. М. : Эксмо, 2016.

Стенограмма выступления Бориса Ельцина на XIX Всесоюзной конференции КПСС : Архив Президентского центра Б. Н. Ельцина [Электронный ресурс]. URL: <https://yeltsin.ru/news/boris-elcin-ne-formirovat-vozhdeyi-vozhdizm/> (дата обращения: 25.08.2020).

Федорова М. М. Революция и История (Революция в контексте времени Истории и времени Политики) // Революция как концепт и событие. М. : ЦИУМиНЛ, 2015. С. 80–98.

Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 134–155.

Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М. : АСТ: ЛЮКС, 2004.

Mitchell L. A. *The Color Revolutions*. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2012.

Robinson J. H., Beard C. Preface to “The Development of Modern Europe” [1907–1908] // *The Varieties of History: From Voltaire to the Present* / ed. by F. Stern. 2nd ed. New York : Vintage Books, 1972. Pp. 257–258.

Turner F. J. *The Significance of History* [1891] // *The Varieties of History: From Voltaire to the Present* / ed. by F. Stern. 2nd ed. New York : Vintage-Books, 1972. Pp. 198–208.